

С.В. Дмитриев, С.Л. Кузьмин

Проблема «евразийского Китая». К статье В.Г. Дацышена

Аннотация. Наша статья является ответом на прежде опубликованную в журнале «Российское Китаеведение» (2022, № 1) статью нашего уважаемого коллеги В.Г. Дацышена «Цинский Китай как евразийское государство. К проблеме изучения истории Китая в России». В рамках научной дискуссии авторы полемизируют с утверждениями автора, касающимися природы империи Цин, степени её тождественности с Китаем и обоснованности тезиса об империи Цин как евразийском государстве. Статья В.Г. Дацышена показывает, что тематика, связанная с империей Цин, её сутью как государства, не только по-прежнему актуальна и интересна в научном плане, но и довольно обильно и разнообразно представлена в отечественной историографии — впрочем, прекрасный обзор В.Г. Дацышена также ярко демонстрирует, что мнения разных специалистов по данному вопросу заметно разнились, что позволяет сделать вывод о том, что на самом деле вопрос далёк от того, чтобы считаться решённым. Авторам кажется полезным и уместным несколько подробнее представить собственную точку зрения, которая в статье В.Г. Дацышена не только названа «радикальной», но и описана не вполне полно. На деле ни о каком «радикализме» речи, как нам кажется, идти не может — отказ от отождествления империи Цин и Китая лишь позволяет исследователю точнее настроить научную оптику своего анализа, не заковывая себя превентивно в рамки, которые мотивированы прежде всего политически и идеологически, но не научно. Авторы будут рады, если дискуссия, начатая В.Г. Дацышеном и продолжаемая этой статьёй, ей не завершится, и, может быть, даже будет поддержана другими специалистами, занимающимися этой важной, интересной и, как мы видим, спорной тематикой, касающейся не только изучения истории цинского периода, но и истории Восточной Азии в целом.

Ключевые слова: Цин, Китай, история, идеология, историография, дискуссия.

Авторы: Дмитриев Сергей Викторович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: sdmitriev@ivran.ru
Кузьмин Сергей Львович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: ipe51@yahoo.com

Sergey V. Dmitriev, Sergius L. Kuzmin

The problem of “Eurasian China”: On the article by Vladimir Datsyshen

Abstract. This article is a response to an earlier work by our renowned colleague Vladimir Datsyshen “Qing China as a Eurasian State. On the issue of studying Chinese history in Russia”. As part of an academic discussion, the authors argue with Datsyshen’s statements regarding the nature of the Qing Empire, the degree of its similarity to China, and the validity of the assertion about the Qing Empire being a Eurasian state. Vladimir Datsyshen’s article shows that the topics related to the Qing Empire and the origins of its statehood are not only still relevant and interesting in academic terms, but are also quite abundantly and diversely presented in Russian historiography. However, an excellent work by Vladimir Datsyshen also clearly demonstrates that the opinions of

different experts on this issue differ significantly, which allows us to conclude that in fact the issue is far from resolved. It seems useful and appropriate for the authors to present their own point of view in more detail. This viewpoint is referred to as “radical” in the article by Vladimir Datsyshen, but it is not addressed in a comprehensive manner. In fact, it seems to us that there can be no talk of any “radicalism” — the rejection of the Chinese nature of the Qing Empire only allows the researcher to finetune the academic optics of their analysis, without preemptively forcing themselves into a framework that is motivated primarily politically and ideologically, but not academically. The authors will be glad if the discussion started by Professor Datsyshen and continued by this article would not end here, and, perhaps, would even be developed by other specialists dealing with this important, interesting and, as we see, controversial topic concerning not only studying the history of the Qing period, but also the history of East Asia in general.

Keywords: Qing China, Chinese history, ideology in China, historiography, discussion.

Authors: Sergius L. Kuzmin, D. Sc. (Hist.), Leading Scientific Researcher, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: ipe51@yahoo.com

Sergey V. Dmitriev, PhD (Hist.), Leading Scientific Researcher, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: sdmitriev@ivran.ru

白馬非馬
公孫龍¹

Дискуссия — один из важнейших инструментов науки, без которого трудно представить ее развитие. К гуманитарным наукам это, пожалуй, применимо в особенности. В связи с этим следует приветствовать появление дискуссионной статьи известного синолога, знатока истории науки и специалиста в области отношений Китая и России, подвижника китаеведения, доктора исторических наук В.Г. Дацышена, которой он начал дискуссию об оценках империи Цин в российской науке и сводимости или несводимости этой империи к Китаю [Дацышен, 2022, с. 141—154]. Статья В.Г. Дацышена крайне интересна и ценна как прекрасный обзор существующей историографии вопроса. Такого обзора российской науке, очевидно, не хватало, и он действительно позволяет яснее взглянуть на некоторые аспекты поставленной проблемы.

Помимо обзора автором предпринята попытка выбрать правильный взгляд на суть проблемы. Главный вывод автора четко следует из названия его работы — он полагает наиболее продуктивным рассматривать Цин как евразийское государство, не отрицая, видимо, при этом исторической преемственности Цин в рамках китайской государственности.

Поскольку одна из наших статей по данной тематике стала предметом не только внимания, но и оппонирования уважаемого коллеги, указавшего на «радикализм» наших взглядов, мы, с большим интересом изучив его аргументацию, хотели бы высказать некоторые соображения на этот счет.

В начале статьи В.Г. Дацышен пишет: «В российском обществе сложились устойчивые представления о неизменности развития традиционной китайской цивилизации с древности до XX в.» (с. 142—143). «Целью нашего исследования

---

¹ Белая лошадь — не есть лошадь. Гунсунь Лун (ок. 320—250 г. до н.э.).

является выявление в российской историографии вопросов, связанных с особенностями Китайского государства и общества в период правления маньчжурской династии Айсиньгиоро под девизом Цин с центром в Пекине. Традиционно это государство в российской историографии называется Цинским Китаем или Цинской империей» (с. 143—144).

Данная постановка проблемы интересна и представляет несомненную научную важность. Но релевантны ли для решения этой проблемы «устойчивые представления общества»? Даже традиционные представления историографии — это еще не научная истина: как известно, многие византийские историографы «традиционно» называли славян скифами, не желая разбираться в тонкостях различий «варваров».

Автор приводит ряд прекрасных цитат из российских научных публикаций, которые как раз показывают неоднозначность оценок ситуации, отсутствие единомыслия — именно это во многом и делает исследование В.Г. Дацышена столь важным. Из этих цитат следует большое разнообразие мнений — от «цинского Китая» до «маньчжурской империи Цин», или империи одновременно «маньчжуро-китайской и маньчжуро-монгольской» и т. д. Наряду с научными публикациями цитируются и некоторые интервью ученых-историков. Кстати, интересно отметить заметную эволюцию высказываний некоторых из них от периода советско-китайского противостояния до нынешнего «стратегического партнерства» РФ с КНР. Как видим, традиция весьма изменчива и подвержена внешним воздействиям.

В.Г. Дацышен справедливо упоминает, что в европейской историографии преобладает обозначение Цин как Китая. Большое, как известно, видится на расстоянии — но и разобраться в тонкостях издали также трудно. На европейских картах вплоть до XVIII в. значительная часть России (если не вся она) порой относилась к «Тартарии» (кстати, как и многие области цинской империи) — насколько это важно для определения сути московской и российской государственности? И можем ли мы на основании терминов, традиционно использовавшихся в западной историографии и культуре, ставить знак равенства между Россией и Советским Союзом? Восприятие человеком внешнего объекта порой больше говорит о нем, чем об объекте — не будем забывать притчу о крайне детальном и объективном описании слона, которое было предоставлено несколькими слепыми. Нарративы монголов и тибетцев (которые были куда ближе к «Цинскому Китаю»¹, чем европейцы — и гораздо более осведомлены в тонкостях организации этого государства) единогласно говорят нам, что Цин — не Китай, а маньчжурская империя, в состав которой входят в том числе китайские провинции.

Действительно, в России после установления прямых связей с Цинской империей это государство называли Китаем, или, например, Срединной империей, как в Буринском трактате 1727 г. Но также надо отметить, что и в китайских, и в российских документах зафиксирован и ряд других обозначений (нередко как

---

¹ Кстати, не можем не отметить интересное решение автора выделять большими буквами прилагательные типа минский, цинский, ханьский — кажется, ранее эта английская привычка не была традиционной в российских публикациях.

«Дайцинское государство» и «Китай» в одном и том же трактате). Наряду с Да Цин-го маньчжуры и китайцы использовали ряд других слов (в том числе к концу существования империи, когда процессы китаизации зашли особенно далеко — и Чжун-го «Китай») в качестве эквивалентов для обиходного обозначения их государства — но это также не может быть достаточным аргументом (как обиходное самоназвание Великобритании Англией не доказывает тождественность двух этих территорий). В монгольской традиции, к слову говоря, Китаем Цинскую империю не называли никогда, подробнее см. [Дмитриев, Кузьмин, 2014].

Да и смысл, вкладывавшийся маньчжурами в их понимание «Срединного государства», как кажется, был иным, чем у китайских националистов (которые, кстати, довольно долго не жаловали скомпрометированный цинским официальным употреблением термин Чжун-го и предпочитали называть государство, к построению которого они стремились, Срединной цивилизацией (Чжун-хуа 中華) или и вовсе фонетически заимствованным из английского Чжи-на 支那). Иноземные завоеватели порой использовали концепцию Чжун-го, восходящую к чжоуским временам, как объединения подданных Сына Неба в ее неэтническом, надэтническом измерении. Это была удобная концепция для многонациональных империй, управлявшихся некитайскими династиями, чьим врагом был китайский национализм. В то же время, когда китайцы (ханьцы) использовали ту же концепцию, они подразумевали, что если эта идея китайская, то и государство должно быть китайским. Таким образом, понятие Чжун-го при разных обстоятельствах использовалось для разных целей: культурной идентификации (в основном в логике отделения от «другого»); национального освобождения китайского народа от порабощения иноземцами; обоснования собственной легитимности в борьбе за власть; обоснования прав чужого государства на захваченный Китай; на создание мировой империи и подчинение других государств.

Китайцы рассматривали все эти империи, сменявшие друг друга (турбулентность китайской истории, к слову говоря, порой делала выбор государства, единственно достойного признания в качестве легитимной империи, весьма непростой для летописца задачей), как продолжение вечного Китая, то есть ханьского государства, управляемого ханьцами или «варварами». С точки зрения традиционной историографии (которую не надо путать с исторической истиной), всё это было только сменой правителей на троне Сына Неба. Логичным развитием концепции (а также с древности присущего самоощущения китайцев как единственного цивилизованного народа) была разработка идеи о Срединном государстве как универсальной империи, которое, как и положено для такого рода государств, воспринимало все окрестные народы как данников и вассалов — уже покорных или еще упорствующих, подробнее см. [Дмитриев, Кузьмин, 2012; Кузьмин, 2019]. Эта идея, заметная и во времена Хань, Тан и Мин, особенно развилась в империи Цин. До того как эта империя перешла от даннической к договорной системе международных отношений, вообще все, кто приезжал туда из-за границы, считались данниками. Достаточно вспомнить английское посольство к императору Хун-ли (девиз правления Цянь-лун) в 1793 г., обставившему этот прием как прием данников и пожелавшему королю Георгу III в будущем проявлять к императорскому трону еще больше преданности и верности.

Хотя такая трактовка Чжун-го ушла в прошлое — как и исповедовавшая ее империя — сама концепция, как ни парадоксально, легла в основу современной китайской политической доктрины, что Китай всегда был единым государством, пережившим периоды раскола и объединения. Все другие зависимые, подчиненные или завоеванные государства и народы всегда были частями этого единого Китая. В результате истории монголов, тибетцев и мусульман Восточного Туркестана рассматриваются как части истории Китая (его «малочисленных народностей»), потому что после Синьхайской революции они рассматриваются как части «китайской нации» (чжун-хуа минь-цзу 中華民族). Но реальность иная: идеологические конструкты плохо выдерживают столкновение с жизнью (вспомним «новую историческую общность» — советский народ). Монголы, тибетцы и другие народы, имевшие собственную долгую этническую, государственную и политическую историю, которые не считают себя китайцами, на самом деле ими и не являются, а их истории и государства не были частями Китая — даже когда они были зависимыми, вассалами или подданными государств, которые включали в себя Китай.

Согласно В.Г. Дацышену, «Период Да Цин го стал завершающим в более чем двухтысячелетней истории имперского Китая, начавшейся с создания империи Цинь и ее окончательного оформления в Ханьскую эпоху» (с. 142), «...в Цинский период начался процесс создания “государства пяти национальностей”» (с. 150). Эти утверждения полностью согласуются с положениями современной китайской науки [История китайской цивилизации, 2020 — цит. по: Дацышен, 2022, с. 148], которая в данном случае преследует цели прежде всего политические — обосновать территориальную преемственность Китайской республики (а затем Китайской Народной Республики) от империи Цин — и, соответственно, права этих государств на все цинские и зависимые от Цин территории, в том числе вне ханьских провинций: «В 1912 г. первая “Временная конституция Китайской Республики” четко установила суверенные права центрального правительства над Тибетом, объявив, что “Тибет является частью территории Китайской республики”, и предложив, что “ханьцы, маньчжуры, монголы, хуэйцы и тибетцы должны объединяться в одно и создать союз пяти народов”» [Мирное освобождение..., 2021, с. 5—6]. Цели эти, без сомнения, политически важные для КНР, но к задачам, которые призвана решать историческая наука, имеют, мягко говоря, не самое прямое отношение. Более того, хорошо известно, что среди самих китайских революционеров мнение о преемственности Китайской Республики от империи Цин вовсе не было единственным — многие полагали, что задачей революции является прежде всего создание нового собственно китайского государства в рамках «собственно Китая» (бэнь-бу Чжун-го 本部中國), под которым понимались 18 китайских провинций — на это указывают и восемнадцать звезд на «Флаге железа и крови» — первом знамени Китайской республики, поднятом в октябре 1911 г. Хубэйским военным правительством после Учанского восстания.

Трудно согласиться с мнением уважаемого автора, что в нашей работе [Дмитриев, Кузьмин, 2014 (почему-то цитируется как Дмитриев, 2014), с. 13, 15] сказано, будто «Китайская Народная Республика является преемником Мин, не имея отношения к Цин. Более того, сами авторы по тексту опровергают свои выводы.

Они пишут: “Но одна из важных черт империи, мультиэтничность, с самого начала получила аналогию в виде ‘республики пяти рас’» (с. 146). Это довольно странно: мы никогда не писали, что КНР не имеет отношения к Цин. Разумеется, имеет: Китай был частью Цин, в результате Синьхайской революции восстановил свою государственность, объявил о претензиях на все цинское территориальное «наследие», признал основные договорные обязательства Цин перед державами и сумел «сохранить» под своей властью цинские «приобретения» (не будем забывать, что более трети территории современного Китая было поставлено под власть Пекина именно маньчжурами). Эти положения справедливы для Китайской республики и преемственны для КНР. Мы об этом писали. Но из частичной преемственности Китая от империи Цин не следует, что Цин была Китаем!

Впрочем, также мы писали о том, что Сунь Ятсен не только апеллировал к свержению власти маньчжуров (которые в девизе созданного Сунь Ятсеном Тунмэнхоя прямо именовались «татарами»; одной из четырех целей революции — первой — провозглашалось цюй-чу да-лу 驅除鞑虜 «изгнать до конца татарских захватчиков»; второй же целью было хуй фу Чжун-хуа 恢復中華 — «возвеличить вновь Срединную цивилизацию» — которая, как видим, не только не включала маньчжуров, но и воспринималась как абсолютная альтернатива им), но и обряд своего отречения от президентского поста провел у могилы основателя империи Мин, победителя «татар» Чжу Юань-чжана [Сидихменов, 1985, с. 288—289]. Было зачитано послание Сунь Ятсена, где говорилось об установлении свободной республики в Китае и уничтожении сильного врага нации — то есть маньчжуров. А ранее, в речи «Три народных принципа и будущее Китая», Сунь Ятсен говорил, что «минский император Тайцзу изгнал монголов и возродил китайское государство» [Giles, 2012] — как видим, о преемственности Китайской республики именно от империи Мин писал сам «отец нации».

Не совсем понятно недоумение В.Г. Дацышена: «Почему-то в качестве доказательства того, что цинская элита не была китайской, они приводят такой пример: “Следуя конфуцианству, они тем не менее имели официальных шаманов, но при этом были искренними буддистами”» (с. 146). Представляется, что это положение достаточно ясно: согласно традиционному китайскому мировоззрению, в отличие от конфуцианства, буддизм (особенно тибетский) и шаманизм не являются учениями, достойными «благородного мужа», — даже чрезмерная приверженность к китайскому буддизму у монарха традиционно подвергалась осуждению. Естественно, одного этого довода недостаточно для того, чтобы решить вопрос о принадлежности цинских правителей к китайской культуре (в наших статьях приводились и иные) — но в пользу одной принадлежности он очевидно не свидетельствует.

По мнению уважаемого коллеги, мы отказываем «китайской культуре в гибкости, способности развиваться, успешно реагировать на сложные вызовы. Но мы можем предположить, что именно благодаря этому Китай с четырехтысячелетней историей сохранился до наших дней» (с. 146). Трудно отказывать в гибкости китайской культуре — но трудно и сделать из этого процитированный вывод. основополагающие концепты китайского традиционного мировоззрения в цинское время не только сохранялись (многие — в том числе и в рамках цинского го-

сударства и права, было бы странно это отрицать — но оно просто не исчерпывалось китайскими компонентами), но и были основой борьбы китайцев за независимость. Именно они стали основой восстановления независимости Китая из-под власти империй Юань и Цин. Противостояние иноземцам ради сохранения своей самобытности и государственности позволило китайцам не только сберечь традиционный взгляд на историю своей страны как на «непрерывный Китай», но и успешно использовать его в новое и новейшее время для легитимации своей власти над странами, которые никогда не были частями Китая. Это удалось в немалой мере благодаря гибкости и способности китайской культуры развиваться в меняющихся условиях при адаптации к ним указанного выше традиционного взгляда.

Отличия юаньской и цинской моделей от традиционной китайской отражают нечто другое — то, что это были модели не китайцев, а монголов и маньчжуров, в государства которых входил завоеванный Китай. Так что говорить о непрерывной 4000-летней (отметим, что на с. 142 она была «пятитысячелетней») истории Китая как государства не приходится — впрочем, и преемственность китайских империй (и затем республик) вряд ли вполне верно трактовать как непрерывную преемственную Китая как государства — как неверно было бы говорить о трехтысячелетней непрерывности истории Италии как государства, включая в новую Римскую империю, королевство остготов и Флорентийскую республику. Оставим звонкие формулировки политикам. «Таким образом, в отечественной историографии давно выдвинут тезис о преобладающем влиянии на Китай в XVII—XIX вв. именно внешнего воздействия, а не внутренней традиции» (с. 149). С этим положением следует согласиться: в тот период Китай был частью империи Цин, в которой для легитимации императорской власти для разных народов применялись разные системы — не только китайская (ханьская), но и другие (монгольская, тибетская) — а к концу периода можно заметить влияние и западных концепций. В этом и есть причина того, что, как справедливо указывают некоторые авторы, все народы, на которые распространялась власть маньчжурских императоров, теперь исключались из категории «варваров». Это согласовалось не столько с китайской традицией (требовавшей принятия именно китайской культуры), сколько с цинской. И это тоже доказательство того, что империя Цин несводима к Китаю. В.Г. Дацышен приводит и ряд других аргументов из российских работ о преобладающем внешнем влиянии в цинский период. Эти аргументы, однако, лучше согласуются с несводимостью Цин к Китаю, чем с трансформацией последнего. Сравнительно-исторический анализ не позволяет согласиться с положением, что Китай — единственное в мире государство, которое не становилось частью захватившей его страны, — а наоборот, сама страна-завоеватель становилась им без остатка.

«Мы также полагаем, что о попытке формирования евразийской модели большой Дальневосточной цивилизации с центром в Китае можно говорить применительно к эпохе Юань. Однако ханьцентричная модель развития показала на тот момент жизнеспособность, она не подверглась достаточной для нового синтеза эрозии, не впитала в себя евразийскость. В Минский период ханьцентричная модель Китая постепенно исчерпала свой потенциал развития» (с. 150). Ис-

торические процессы в цинский период автор считает началом «государства пяти национальностей», выходящие за пределы ханьской традиции, и рассматривает их как факторы «евразии Китая». Полагаем, знак равенства между «евразийством» и «концепцией китайской нации», которая во многом является развитием идеи «государства пяти национальностей», вызвал бы немалое удивление у китайских историков и идеологов.

Однако вряд ли монгольские императоры «эпохи Юань» пытались формировать некую Дальневосточную цивилизацию, сделав ее прививку «Евразии», как полагает В.Г. Дацьшен: в монгольской империи Юань и маньчжурской империи Цин частичное принятие китайской мироустроительной модели было призвано обеспечить власть иноземцев над покоренным Китаем, а «евразияция», противоречившая этой модели, отражала политическое мировоззрение самих иноземцев — монголов и маньчжуров — и их китайские подданные по возможности этой «евразии» противились как «варваризации».

Правившие Китаем монголы не считали свою империю преемником Сун или Цзинь, а Да Юань было китайским эквивалентом Их Монгол улс, то есть Великого Монгольского государства во всей его полноте — а не только в рамках «улуса великого хана», самой большой частью которого был Китай. Территорию и народ под прямым управлением великого хана монголы называли Хаант улс; это не мешало китайцам рассматривать Да Юань как китайскую «династию», встроенную в цепь имперской традиции [Kim, 2015, p. 300—301] — особенно после победы над монголами — ведь во время борьбы с ними популярна была и точка зрения о незаконной, узурпаторской сути их империи.

Трудно согласиться с автором, что в период империи Мин «ханьцентричная модель» Китая исчерпала свой потенциал. Несмотря на риторичку, вполне очевидно, что и Китайская республика (по крайней мере, до недавнего времени), и КНР вполне могут быть характеризованы как ханьцентричные — как еще можно охарактеризовать государство, в котором очевидно господствуют китайский язык и китайская культура, поощряется миграция ханьцев на земли «национальных меньшинств», а основополагающие решения определяются ханьским руководством государства?

В.Г. Дацьшен обосновывает свое видение евразийства применительно к Китаю: «Понятие “евразийское” применительно к государству объединяет несколько различных, но взаимосвязанных признаков. Идеи евразийства предполагали повышение роли и значения культур, сформированных на периферии древнейших крупных цивилизационных центров Евразии, народов, связывавших Средиземноморскую, Дальневосточную и Индийскую суперцивилизации. Локальные земледельческие и скотоводческие “периферийные” культуры, в силу особенностей внутреннего развития, большей зависимости в своем развитии от крупных цивилизаций и “транзитной” роли в мировой системе по разным признакам и параметрам имели сходство со всеми тремя суперцивилизациями Евразии. Во многом единое пространство взаимосвязанных культур между Европой, Китаем и Индией можно условно назвать евразийской цивилизацией. Признаком евразийского государства является не только объединение в нем значительной части территорий, населенных народами “евразийских” культур, но активное участие

“евразийских” культур в государственном строительстве, проникновение их во все сферы политической жизни, влияние на социально-экономическую организацию и духовную жизнь населения» (с. 143).

Не касаясь понятия «суперцивилизация», следует отметить, что и более разработанное понятие «цивилизация» достаточно условно и неоднозначно, подробнее см. [Кузьмин, 2020, с. 93—103]. Тем не менее в его основе лежат отличия одних от других аналогичных сущностей — иначе само понятие теряет смысл. Классическое евразийство (современное «неоевразийство», далеко отошедшее от него, вряд ли можно считать евразийством) обосновывает концепцию самобытной евразийской цивилизации, включающей европейские и азиатские элементы, как «моста» между европейскими и азиатскими цивилизациями. Это в целом согласуется с тем, что указывает В.Г. Дацышен. Однако классики евразийства обоснованно считали Китай соседом (а многие — главным антагонистом) данной цивилизации, существенно от нее отличающимся (например, Л.Н. Гумилев подробно обсуждал конфликты Китая со «степью», связанные с цивилизационными различиями).

Итак, можно ли говорить о цинском Китае? Можно — примерно так же, как, например, о цинском Синьцзяне или цинском Шаньдуне. В целом же империя Цин несводима к Китаю — любые попытки сделать это заметны обедняют оптику исследователя. Можно ли говорить о «евразии Китая»? Можно — в аспекте чисто географическом: обмены товарами, технологиями и т. д. Китая с другими странами материка Евразии быстро растут (но также — с Америкой, а теперь еще с Африкой и Австралией). Если же рассматривать данное понятие в аспекте цивилизационном, то с этим согласиться трудно, признаков этого не видно (наоборот, в самом Китае последнее время гораздо более популярна концепция «океанической» сущности китайской цивилизации — какое уж тут евразийство). В наше время, учитывая не только историческую преемственность, но и глобализацию Китая и основные направления международных связей, его можно считать «евразийским» не более чем любую другую страну на материке Евразия.

Что же касается империи Юань, то ее при желании можно рассматривать как часть и продукт евразийской цивилизации (а в чем-то — в аспекте Монгольской империи — и, вероятно, как наиболее яркую манифестацию этой цивилизации). В этом случае частью этой цивилизации формально окажется и завоеванный монголами Китай — но эта «евразийскость», очевидно, не вызывала у китайских подданных империи большого энтузиазма, более того — это было одним из наиболее раздражающих факторов иноземного завоевания.

Империя Цин же была евразийской примерно в той степени, в которой она наследовала империи Юань: частично, как идеологически, так и территориально, причем больше всего эта преемственность ощущалась и использовалась в монгольских землях империи Цин. Империя Цин была многоукладной — во многом китайской для своих китайских подданных, теократической — для тибетских, пост-юаньской — для монгольских, пост-чжуржэньской — для маньчжурских. В этом и состоит её уникальность, признавать которую — не только не «радикализм», но просто наиболее простой и очевидный, как нам кажется, подход к изучению этого феномена истории Восточной Азии.

Библиографический список

Дацышен В.Г. Цинский Китай как евразийское государство. К проблеме изучения истории Китая в России // Российское китаеведение. 2022. № 1. С. 141—154. DOI: 10.48647/ICCA.2022.45.76.009.

Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. Что такое Китай? Срединное государство в историческом мифе и реальной политике // Восток (Oriens). 2012, № 3. С. 5—19.

Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа // Восток (Oriens). 2014. № 1. С. 5—17.

Кузьмин С.Л. Вассалитет на Западе и Востоке: проблема отношений империи Цин с Монголией и Тибетом // Восток (Oriens). 2019, № 1. С. 39—54. DOI: 10.31857/S086919080003958-0.

Кузьмин С.Л. Тибето-монгольская цивилизация: некоторые вопросы теории // Монгольская цивилизация в фокусе российского востоковедения. М.: ИВ РАН, 2020. С. 93—103.

Мирное освобождение, процветание и развитие Тибета / Пресс-канцелярия Госсовета КНР, май 2021, Пекин. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2021. 79 с.

Сидихменов В.Я. Маньчжурские правители Китая. М.: Наука, 1985. 302 с.

References

Datsyshen, V.G. (2022). Tsinskiy Kitay kak evraziyskoye gosudarstvo. K probleme izucheniya istorii Kitaya v Rossii [Qing China as a Eurasian State. On the problem of studying the history of China in Russia], Rossiyskoye kitayevdeniye [Russian Sinology], № 1. P. 141—154 (In Russian).

Dmitriyev, S.V., Kuz'min S.L. (2012). Chto takoye Kitay? Sredinnoye gosudarstvo v istoricheskom mife i real'noy politike [What is China? Middle State in a historical myth and real politic], Vostok (Oriens), № 3. P. 5—19 (In Russian).

Dmitriyev, S.V., Kuz'min S.L. (2014). Imperiya Tsin kak Kitay: anatomiya istoricheskogo mifa [Qing Empire as China: an anatomy of a historical myth], Vostok (Oriens), № 1. P. 5—17 (In Russian).

Kuz'min, S.L. (2019). Vassalitet na Zapade i Vostoke: problema otnosheniy imperii Tsin s Mongoliyey i Tibetom [Vassalage on the West and on the East: a problem of relations of the Qing Empire with Mongolia and Tibet], Vostok (Oriens), № 1. P. 39—54 (In Russian).

Kuz'min, S.L. (2020). Tibeto-mongol'skaya tsivilizatsiya: nekotoryye voprosy teorii [Tibet-Mongolian civilization: some theoretical questions], Mongol'skaya tsivilizatsiya v fokuse rossiyskogo vostokovedeniya [Mongol civilization in the focus of Russian oriental studies]. Moscow: IV RAN [Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences], 2020. P. 93—103 (In Russian).

Mirnoye osvobozhdeniye, protsvetaniye i razvitiye Tibeta [Peaceful liberation, flourishing and development of Tibet]. (2021). / Press-Kantselyariya Gossoveta KNR, may 2021, Pekin [Press-office of PRC State Council, May 2021, Beijing]. Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh [Foreign languages press], 79 p. (In Russian).

Sidikhmenov, V.Ya. (1985). Man'chzhurskiye praviteli Kitaya [Manchu rulers of China]. Moscow: Nauka [Science]. 302 p. (In Russian).

* * *

Giles, H.A. (1912). China and the Manchus. Cambridge: Cambridge University Press. 148 p.

Kim, H. (2015). Was 'Da Yuan' a Chinese dynasty? Journal of Song-Yuan Studies, № 45. P. 279—305.

Поступила в редакцию: 26.02.2023. Received: 26 February 2023.

Принята к публикации: 07.05.2023. Accepted: 7 May 2023.